

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanic_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ЯРОСЛАВ ДОМБРОВСКИЙ

Генерал Парижской Коммуны

(1836—1871)

Представители польских демократических кругов принимали активное участие в революционных боях французского пролетариата в 1830 и 1848 гг., выступая всякий раз на стороне народных масс, против королей, высшего духовенства и аристократии. Большую роль сыграли они и в Парижской Коммуне 1871 г.

Богатая революционными традициями столица Франции стала прибежищем для многих сотен польских демократов после подавления восстания 1863 г.

Общественное положение польской демократической эмиграции в Париже побуждало её к живой заинтересованности во всех проявлениях классовой борьбы французских рабочих, в судьбе их экономических стачек и вообще всего революционного движения во Франции в последние годы Второй империи. Польские эмигранты вынуждены были зарабатывать себе на жизнь не только умственным трудом, но нередко физическим трудом, что, естественно, сближало их с французскими пролетариями. Польские демократы в Париже были связаны с I Интернационалом и являлись горячими сторонниками классовой борьбы пролетариата с буржуазией.

С началом франко-прусской войны польские эмигранты приняли деятельное участие в обороне Парижа и проявили немалое мужество и отвагу во время его осады прусскими войсками.

Поляки-демократы в Париже разделяли негодование французского народа по поводу предательского поведения правительства Национальной обороны и позорной капитуляции. Они горячо приветствовали борьбу парижского пролетариата за Коммуну, выступления 8 и 31 октября и в особенности революцию 18 марта.

Коммуна с первых же дней своего существования нашла широкий отклик в народных массах многих стран мира. Кроме поляков, в Париж устремились русские, итальянские и другие добровольцы, многие из которых пожертвовали жизнью за высокие социальные идеалы первого в мире пролетарского государства.

Коммуна, по словам К. Маркса, «являлась интернациональной в полном смысле этого слова»¹. Добровольное вступление множества поляков в ряды коммунаров делало честь их социальному чутью и отваге. «Коммуна,— писал Маркс,— почтила героических сынов Польши, поставив их во главе защитников Парижа»².

Одними из первых приняли участие в Парижской Коммуне Ярослав Домбровский и Валерий Врублевский. Вместе с ними вся левая, демократическая группа парижских эмигрантов-поляков вступила в ряды коммунаров. «Вступление Домбровского и Врублевского в ряды защитников Коммуны имело огромное влияние на поведение прочих поляков, особенно из «Демократического объединения»³ и из «Общества военного заговора»⁴,— пишет современный польский историк З. Модзелевский.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 484.

² Там же, стр. 485.

³ «Демократическое объединение польской эмиграции» — организация революционных поляков, возникшая в 1866 г. Руководство организацией принадлежало Я. Домбровскому, В. Врублевскому, К. Жулинскому и ряду других. Своей задачей «Демократическое объединение» ставило борьбу за гражданские свободы, за право на труд и образование. Поляки из «Демократического объединения» были близки к пролетарским и левodemократическим кругам французского общества. Так, Я. Домбровский был личным другом Делеклюза и членов I Интернационала Варлена и Вермореля. Ряд поляков активно участвовал в работе французских секций I Интернационала: Антон Жабицкий, А. Бобровицкий, П. Менкарская.

⁴ «Общество военного заговора» — левая польская военно-конспиративная организация, готовившая восстание в Польше во время войн Австрии с Пруссией и Италией, для чего она формировала два польских легиона — в Турине и в Париже (одним из легионов должен был командовать Я. Домбровский).

Среди выдающихся личностей, последовавших примеру Домбровского, следует упомянуть младшего брата Домбровского — Теофиля; генерала Околовича, командовавшего боевым участком на правом берегу Сены, и его четырёх братьев; подполковника Свидчинского, командовавшего полком; Розвадовского — инженера-полковника, начальника штаба Врублевского, впоследствии связанного с I Интернационалом; капитана Рожаловского, адъютанта Я. Домбровского и автора его биографии; Томашевского, начальника штаба форта Иври. Одним из активнейших поляков-коммунаров был Юлий Бабицкий (Бабики), член Центрального комитета Национальной гвардии, член Коммуны, избранный в Коммуну от X округа, часто присутствовавший на её заседаниях; к той же группе принадлежали: Андрей Сломчинский (художник, по прозвищу Слом), секретарь Рауля Риго; Ян Ландовский, комиссар водного транспорта на Сене; Матушевич, начальник 20-го батальона Национальной гвардии, и многие другие. Большую группу составляли также польские врачи и медицинские сёстры, добровольно помогавшие коммунарам, так как многие французские врачи отказались оказывать им медицинскую помощь.

Благодаря трудам современных польских историков удалось выявить значительное количество поляков — участников Коммуны, примерно 500—600 человек¹. Значительная часть поляков — участников Парижской Коммуны сознательно сражалась в рядах её защитников. Они знали, что знамя Коммуны — знамя братства народов и международной солидарности всех эксплуатируемых в борьбе с эксплуататорами. Вместе с трудящимися Парижа они боролись за новый общественный строй, где не будет социального гнёта.

Наиболее активным и ярким представителем поляков-героев, защитников Коммуны, был, несомненно, Ярослав Домбровский.

Ярослав Викторович Домбровский родился 13 ноября 1836 г. в городе Житомире (бывшей Волынской губернии). Отец его Виктор Алексеевич происходил из разорившегося польского шляхетского рода и служил архивариусом в «Волынской шляхетской депутации». Девяти

¹ «Nowe Drogi» № 1, 1951, str. 155—156.

лет от роду Ярослав поступил в кадетский корпус. Неприветливо встретил Брест-Литовский корпус не по летам вдумчивого и любознательного мальчика. Суровая, бессмысленная муштра и зверский николаевский режим действовали на него угнетающе.

«Наш тогдашний строй,— рассказывает его современник, народоволец Ашенбреннер в «Воспоминаниях»,— покоился на четырёх китах: суровая дисциплина, шагистика, «рукоприкладство» и субботняя порка в цейхгаузе»¹. Сохранился рассказ о том, как Николай I посетил Брест-Литовский корпус. Заинтересовавшись толковыми ответами и отличной военной выправкой Ярослава, царь поднял его на руки. Но узнав, что Домбровский — поляк, шляхтич, Николай внезапно швырнул его на пол... Этот эпизод на всю жизнь запечатлелся в памяти Домбровского.

Домбровский в детстве слышал немало рассказов о жестоком усмирении польского восстания 1831 г. Ему было десять лет, когда вспыхнуло краковское восстание.

Как и все его близкие из польской шляхетской среды, Ярослав с детских лет ненавидел самодержавие.

Окончив в 1853 г. кадетский корпус в Петербурге (куда он перевёлся из Брест-Литовска) в чине прапорщика и проведя два года в Константиновском военном училище, Домбровский в 1855 г. уехал на Северный Кавказ, в действующую армию. Сумев выдвинуться благодаря своим незаурядным военным способностям, произведённый в поручики, он добился откомандирования в Академию Генерального штаба, куда после сдачи экзаменов и был принят 15 декабря 1859 г.

В начале 60-х годов XIX в. среди польской молодёжи, обучавшейся в русских университетах (Московском, Петербургском), начали сильно разрастаться революционные настроения. Стали возникать тайные кружки. Руководство тайной организации польских студентов в Москве решительно высказывалось за подготовку всенародного восстания против царского самодержавия.

Весьма благоприятными для польского повстанческого движения были усилившиеся в то время революционные настроения в России. Накануне восстания 1863 г. в Вар-

шаве были получены сообщения от молодых польских офицеров, которые утверждали, что поляки вполне могут рассчитывать на сочувствие и поддержку русского революционного движения. Герцен, к голосу которого прислушивалась вся революционная Россия, неоднократно выступал в «Колоколе» горячим поборником освобождения и независимости Польши, доказывая в ответ на клеветнические выпады, что весь русский народ целиком стоит на стороне поляков.

С увлечением окупнулся 23-летний Домбровский в новую для него жизнь учащейся столичной молодёжи. Он слушал лекции народника П. Л. Лаврова; увлекался вместе со своими товарищами произведениями русских революционных демократов — Чернышевского, Герцена, Добролюбова; с волнением следил за героическими подвигами борца за свободу Италии Джузеппе Гарибальди. Юного Домбровского особенно пленял демократический характер итальянского национально-освободительного движения, под знамёна которого стекались сотни добровольцев.

Именно в эти годы Ярослав Домбровский вступил в один из революционных конспиративных офицерских кружков Петербурга, где особым влиянием пользовались члены народнической организации «Земля и воля», офицеры Андрей Потебня и Зигмунд Сераковский, пламенный энтузиаст-революционер, близкий друг Н. Г. Чернышевского. Собрания кружка, происходившие обычно на квартире Домбровского, проводились под видом «литературных занятий», и долгое время царской полиции никак не удавалось установить их действительную цель. Сераковский водил Домбровского на тайные собрания, где выступал Чернышевский. Знакомство с Чернышевским было большим и волнующим переживанием для Ярослава Домбровского¹. Этот период жизни Домбровского, общение с русскими революционерами-демократами во многом определили дальнейшее формирование его мировоззрения. Именно в эти годы и под влиянием русской революционной мысли созрели национально-освободительные, республиканско-демократические убеждения Домбровского.

¹ М. Ю. Ашенбреннер, Воспоминания. Шестидесятые и семидесятые годы, «Былое» № 4/16, 1907 г., стр. 1.

¹ W. Markowska, Droga na barykady Komuny, Warszawa 1952, str. 30.

Наряду с работой в революционном кружке Домбровский серьёзно и усердно учился. Он старался как можно лучше овладеть военными науками, чтобы приобретённые им знания могли впоследствии пригодиться в революционной борьбе.

В декабре 1861 г. Ярослав Домбровский окончил Академию Генерального штаба в чине штабс-капитана и вскоре получил назначение в Варшаву. Домбровский сразу же принял активное участие в польском революционном движении. Блестящий офицер Генерального штаба, он уже в силу занимаемого им положения (квартирмейстер 4-й пехотной дивизии) был вне всяких подозрений и искусно пользовался этим. Полный кипучей энергии и жгучей ненависти к царскому самодержавию, угнетавшему его народ, в расцвете молодых сил и способностей, Домбровский скоро завоевал доверие революционных кругов шляхты и учащейся молодёжи.

По описанию одного из участников восстания 1863 г., генерала Антона Езеранского, Домбровский был «блондином, невысокого роста, в маленьких серых глазах его светилась необычайная энергия, а движения обличали человека деятельного, с сильной волей, решительного». «Ярослав Домбровский,— писал впоследствии другой участник польского восстания 1863 г., Даниловский,— был одной из даровитейших личностей в нашем кругу. Этот чрезвычайно экзальтированный энтузиаст смотрел на всё сквозь розовые очки... у него был в голове и сердце вечно действующий вулкан!»

Не прошло и недели после приезда Домбровского в Варшаву, как он стал председателем Городского (в дальнейшем Центрального) повстанческого комитета, готовившего восстание против царского самодержавия. Разработанный им план вооружённого восстания вызвал восхищение всего Комитета. «Мы были положительно ослеплены блеском его плана!» — писал член Комитета Майковский. План был принят единогласно, но вскоре оказался сорван вследствие интриг и предательства правого крыла партии «красных».

Обстановка, в которой происходила подготовка восстания в Польше, была очень сложной. Часть польских помещиков и капиталистов, оппозиционно настроенная по отношению к самодержавию, так называемые «белые», сосредоточила свои политические интриги вокруг париж-

ского дворца князя Чарторыйского («отель Ламбер»). Они мечтали о независимости Польши, о восстановлении Речи Посполитой в границах до 1772 г. и возлагали все надежды на дипломатическое воздействие английского и французского правительств. В противоположность этому революционные комитеты в Польше (состоявшие преимущественно из обедневших шляхтичей — разночинцев-демократов, отчасти из крестьянских выходцев) объединились в партию «красных». «Красные» стояли за наделение крестьян землёй (большинство из них стремилось к наделению крестьян землёй за выкуп). «Белые» постоянно противились революционным устремлениям «красных», предпочитали жертвовать делом независимости Польши ради сохранения своих классовых позиций.

С появлением Домбровского в Комитете важнейшие вопросы — вооружённое восстание, пропаганда, снабжение организации оружием, денежный фонд — впервые встали на реальную почву. Под руководством Домбровского с молодёжью ежедневно велись тактические занятия и упражнения в стрельбе.

Домбровский взял на себя связь с русским революционным офицерством варшавского и модлинского гарнизонов. Вскоре в этих гарнизонах возникла тайная революционная организация. Однако вследствие предательства организация была разоблачена, двое из офицеров покончили жизнь самоубийством, три человека были расстреляны, остальные сосланы на каторгу. Команда, поднявшая бунт в защиту арестованных, была отправлена в арестантские роты. Эта расправа вызвала сильнейший ропот и возмущение в гарнизоне.

В сентябре 1862 г. в Лондоне по инициативе революционных русских и польских деятелей состоялась встреча, целью которой было установить практические и идейные основы русско-польского революционного союза. Со стороны русских в переговорах участвовали Герцен, Огарёв, Бакунин, со стороны польского Центрального национального комитета — Падлевский, Гиллер и Милович¹.

В результате лондонских переговоров были выработаны следующие принципы русско-польского революционного союза: борьба за освобождение крестьян с землёй

¹ См. И. М. Белявская, А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века, М. 1954, стр. 119.

и предоставление независимости народам, входившим в состав Российской империи, а также совместная подготовка восстания¹.

С этого времени началось деятельное сотрудничество русской и польской революционных организаций (в том числе «Земли и воли») по подготовке общего восстания против царизма.

Однако начальник всего гражданского управления Царства Польского маркиз Велепольский, опираясь на поддержку польских помещиков, назначил рекрутский набор всего мужского населения (кроме помещиков и крестьян-землевладельцев) со специальной целью — лишить революционную партию поддержки польских народных масс и избавиться от опасных элементов. К сроку этого набора и было приурочено восстание 22 января 1863 г., потерпевшее поражение вследствие вероломной и предательской политики польских помещиков («белых»), противившихся расширению борьбы и вовлечению в неё широких масс крестьянства.

Домбровскому не пришлось участвовать в польском восстании. Задолго до его начала он был арестован (13 августа 1862 г.) в связи с покушением на маркиза Велепольского. Домбровский был заподозрен в соучастии и посажен в Александровскую крепость Варшавы.

Примерно к этому времени относится сближение Домбровского со Згличинской². Познакомился он с ней ещё в первый свой приезд в Варшаву. Они полюбили друг друга. Згличинская всю жизнь была верным боевым товарищем Ярослава, безропотно разделяя с ним все лишения и невзгоды.

Через Згличинскую, выполнявшую опаснейшие поручения Домбровского (и даже однажды ухитрившуюся передать ему в камеру револьвер, патроны и план окрестностей Варшавы), он был полностью в курсе всех планов Центрального комитета и, сидя в цитадели, сумел передать Комитету разработанный им во всех деталях новый план вооружённого восстания.

¹ См. И. М. Беляевская, А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века, стр. 124.

² Пелагия Михайловна Згличинская — польская революционерка-террористка, сторонница партии «красных», дочь разорившегося люблинского помещика.

Домбровский дважды готовил побег (один раз была подпиlena дверь тюрьмы, другой раз был подготовлен его перевод в госпиталь), но безрезультатно. Поведение его в цитадели было мужественным и выдержанным. Он вёл себя осторожно, не впуская никого из своих товарищей, и совершенно сбился с толку следователей, которые долгое время не догадывались, что имеют дело с одним из главных вожakov восстания.

Представ перед военно-полевым судом 30 июля 1863 г., Домбровский так защитил себя, что суд признал обвинение штабс-капитана Я. Домбровского в принадлежности к революционной партии недоказанным. И всё же его не выпустили на волю.

В середине апреля 1864 г. ему разрешили обвенчаться в тюрьме со Згличинской. Их тотчас же разлучили, а жену его сослали в город Ардатов, Нижегородской губернии, под надзор полиции.

В архивах Третьего отделения сохранилась до сих пор не опубликованная переписка Домбровского с его женой, отобранная у неё при обыске. Письма Домбровского, конечно, подвергались строжайшей цензуре. Поэтому нас не должно удивлять, что неукротимый революционер Домбровский притворно говорит жене о необходимости «положиться на провидение», советует покорно сносить все невзгоды. Заботясь о самообразовании жены, Домбровский пишет ей о литературе, о положении женщины в обществе, о философии и политической экономии и т. д. Эти письма Домбровского (написанные на польском языке) очень ценны для понимания его характера. Они полны бодрости и оптимизма, веры в себя и будущее, тонкого юмора, трогательной заботы и беспокойства о верном друге-жене. В своём каземате Домбровский много читал, занимался и не сомневался, что будет скоро освобождён.

Домбровский не подозревал, что его выдали двое арестованных по делу о восстании — Миладовский и бывший член Центрального комитета Оскар Авейде, человек малодушный и бесхарактерный, открывший властям при допросе, что в 1862 г. Домбровский стоял во главе Военно-революционного комитета в Варшаве.

Домбровский был приговорён к 15 годам каторги «с лишением дворянского достоинства, всех прав, состояния, чинов, медалей и ордена Станислава».

В ноябре 1864 г. вместе с партией политических заключённых, направлявшихся в Сибирь на каторжные работы, в Москву прибыл Ярослав Домбровский. Здесь у Домбровского возникло твёрдое решение — бежать, так как этому крайне благоприятствовала обстановка тюрьмы и отсутствие надлежащего надзора за арестованными. 2 декабря, раздобыв где-то юбку и головной платок, переодетый Домбровский бежал из тюрьмы. Узнав, что в тюрьме при Домбровском была его офицерская форма, следствие, сбивое с толку некоторыми показаниями арестантов, сразу встало на неверный путь. Стоявший у калитки часовой сперва заявил, что вслед за караульным офицером через калитку прошёл неизвестный «белокурый офицер с усами, в военном пальто, один, без унтер-офицера», но потом стал путаться и, наконец, отказался от своих показаний. На этой версии следствие вначале остановилось и успокоилось. Как в действительности обстояло дело, мы узнаём из «Воспоминаний» его жены: «В женской одежде, удачно подражая движениям и манерам женщины, не ускоряя шага, Ярослав спокойно прошёл мимо часового и, вышедши за ворота, сел на первого попавшегося извозчика, приказав ему ехать в библиотеку»¹. Ночь он провёл в какой-то московской трущобе, не смыкая глаз, в полном молчании, боясь привлечь к себе внимание. На другой день, встретив на улице Шостаковича, с которым был знаком ещё по революционной работе в Петербурге, Домбровский обратился к нему с просьбой о помощи. Спустя два года Шостакович показывал следственной комиссии фон Дена: «Домбровский встретил меня не помню на какой улице и... обратился ко мне с просьбой позволить ему переодеться. Хотя одежда его меня сильно удивила, так как он был одет деревенской бабой, и голос вовсе не был похож на женский, однако я сказал ему, чтобы он шёл со мной... Вид, какой он имел, действительно, был жалок, он говорил, что ничего не ел с утра и что всё время находится на ногах...». Шостакович устроил Домбровского вначале у своих товарищей-студентов, затем у себя и вскоре достал ему паспорт на имя какого-то учителя географии и истории. Желая сбить полицию с истинного пути, Шоста-

кович под диктовку Домбровского написал его жене следующее письмо (без подписи):

«По поручению супруга Вашего честь имею уведомить Вас, что он, вырвавшись благополучно из рук своих мучителей в первых числах этого месяца, в настоящее время выехал уже за границу». Расчёты Домбровского и Шостаковича оправдались: письмо было, конечно, вскрыто на почте и сразу же очутилось в руках Третьего отделения. Домбровский знал, что за его голову обещано крупное вознаграждение, но был спокоен, невозмутим и только потешался над глупостью полиции. Добыв поддельный «указ об отставке» некоего полковника фон Рихтера, он однажды смело явился в канцелярию московского генерал-губернатора и ухитрился получить заграничный паспорт. Жена Домбровского в «Воспоминаниях» рассказывает о том, что Домбровский встретил в канцелярии губернатора офицера, знавшего его по Академии. Проявив огромное самообладание, Домбровский сумел благополучно выйти из крайне рискованного положения. «На счастье Ярослава этот офицер оказался славным человеком, умевшим молчать», — пишет Домбровская.

В январе 1865 г. Домбровский поселился в Петербурге, решив не уезжать из России до тех пор, пока не организует побега жены. Домбровская, жившая в Ардатовке под надзором полиции, долгое время не подозревала, что муж её на свободе, и продолжала хлопотать, чтобы ей разрешили сопровождать мужа в Сибирь, на каторгу.

Наконец, ему удалось установить с ней связь и даже обменяться письмами. В мае 1865 г. его друг офицер Озеров поехал в Ардатовку под видом богомольца, идущего «на поклонение в Саровскую пустынь», и там успешно организовал побег Домбровской.

Встреча супругов произошла в Петербурге. Спустя некоторое время Домбровский, совершенно случайно узнав, что петербургские аристократы с семьями непрерывно совершают паломничество в Кронштадт, куда было привезено из Ниццы тело умершего наследника престола, решил использовать это обстоятельство. Мнимый «полковник Рихтер» и его супруга в «глубоком трауре» отправились на английском торговом пароходе «поклониться телу великого князя». В кармане у них лежали заграничные

¹ *Pelagia Dąbrowska, Wspomnienia z r. 1863, «Naprzód» № 189, 1923.*

паспорта. Возвращаться в Петербург они, конечно, не собирались. Так они очутились за границей.

В августе 1865 г. Домбровский и его жена поселились в Париже, на улице Вавэн. Домбровский работал чертёжником; заработок его был невелик, и семья с трудом сводила концы с концами. Вначале он примкнул к бланкистам; но незадолго до Коммуны он сблизился с членами Интернационала, среди которых было немало и поляков. Хотя Домбровский был далёк от марксистского понимания пролетарской революции, на деле он верно и искренно служил ей. Он верил, что сбывается его мечта о «всемирной республике», и потому интернациональная борьба рабочих за её осуществление приобретала в его глазах особое значение.

В то же время Домбровский играл видную роль среди демократической части польской эмиграции и сотрудничал в органе демократов «*Nierpodległość*» («Независимость»).

В эти годы Домбровский написал работу, посвящённую анализу австро-прусской войны 1866 г. («*Krytyczny rys wojny 1866 r. w Niemczech i we Włoszech*» — «Критический очерк войны немцев и итальянцев в 1866 г.», Женева 1868). В этой работе он отмечал высокое значение игольчатого оружия, дающего несомненный перевес правительственным войскам над повстанцами; автор, однако, предостерегал читателя против переоценки значения техники, ружейного огня. По мнению Домбровского, в сражении огромную роль играет моральное превосходство повстанческой армии, беззаветная храбрость бойцов и командиров, которые в сочетании со смелой штыковой атакой решают исход боя. Домбровский был твёрдо убеждён, что во время войны (особенно революционной) самое важное вырвать у противника инициативу, ошеломить ударом, воспользоваться временной слабостью и разгромить врага раньше, чем он успеет опомниться. Эта идея Домбровского была положена в основу его стратегического плана вооружённого захвата Варшавской цитадели в 1862 г., крепости Модлин и русского лагеря. «Целью войны,— писал Я. Домбровский в своей книге,— является уничтожение нравственных и материальных сил противника, средством к осуществлению этой цели является бой. Однако же сама битва никогда не даёт полного решающего преобладания победителю. В момент, когда битва склоняется в ту или другую сторону, перевес победителей является ещё более нравственным, чем

материальным. Именно быстрым и немедленным преследованием разбитого врага выдающиеся полководцы полностью уничтожали армии противника, а вместе с тем и возможность сопротивления со стороны побеждённого...»

Очень любопытно отметить, что ряд выводов Домбровского, относящихся к роли техники в исходе баррикадного боя, обнаруживает очень большое сходство с мыслями К. Маркса, изложенными в его работе «Классовая борьба во Франции»¹.

Эта работа была не единственной научной работой Домбровского. Ещё в 1866 г. Домбровский написал основательный труд, посвящённый гражданской войне в Америке; он доказывал в этой работе, что моральное состояние воина играет решающую роль в войне и что нередко перевес обусловлен справедливым, освободительным характером войны. Работу эту не удалось издать, так как буржуазные издательства сочли её «революционной» и «явно разрушительной».

Свои политические взгляды Домбровский изложил в 1867 г. в большой статье. Развивая свои мысли о будущем польского народа, Домбровский писал: «Необходимо пробудить в человеке сознание прав человека и гражданина; права эти должны осуществляться одинаково для всех людей без исключения, независимо от их расы. Польский народ должен отказаться от традиционных расчётов на помощь Австрии, Турции и других держав и, наоборот, надеяться исключительно на поддержку угнетённых народов».

Французское правительство сильно тревожило присутствие в Париже польских эмигрантов, особенно таких, как Домбровский и Врублевский, не скрывавших своих симпатий к французскому революционному движению. Их положение в Париже особенно осложнилось после неудачного покушения поляка Березовского на жизнь Александра II, посетившего в 1867 г. Всемирную парижскую выставку. Руководители парижской полиции, пресмыкавшиеся перед русским правительством, всячески старались заслужить его «благоволение» и прощение. Они усилили преследования левых польских эмигрантов и совершили налёт на квартиру Домбровского, обвинив его в соучастии

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 104—106.

с Березовским. Домбровскому сильно повредило то обстоятельство, что он поддерживал связь с польскими революционерами и помогал им нелегально пробираться в Россию. Одним из видов такой помощи было снабжение их фальшивыми русскими паспортами через лондонских эмигрантов. Домбровский заказал одной литографии по присланному им образцу 200 русских паспортов. Этим обстоятельством воспользовалась французская полиция, чтобы очернить Домбровского и его брата Теофиля (который также жил в это время в Париже). Полиция давно искала случая впутать их в какое-нибудь уголовное дело, и вот среди эмигрантов был пущен слух, что «братья Домбровские — фальшивомонетчики». Парижские полицейские изобретали всевозможные уловки, чтобы «уличить» Домбровского. Так, подставное лицо, изображавшее собою Ярослава Домбровского, вручило одному сильно нуждавшемуся старику-эмигранту в качестве «пособия» 50-рублёвый кредитный билет. Когда старик стал менять этот билет, он оказался фальшивым. Очутившись в полицейском участке, старик на вопрос, кто дал ему деньги, ответил, ничего не подозревая: «Ярослав Домбровский». Вся эта история, заранее подготовленная полицией, оказалась достаточным основанием для ареста Домбровского.

И несмотря на то, что из Петербурга в Париж летели секретные депеши с настойчивыми просьбами — добиться осуждения Домбровского и высылки его в Россию, Домбровского пришлось всё-таки выпустить за отсутствием достаточных улик. Однако и после этого французская полиция не оставляла своих планов в отношении Домбровского.

На этот раз было решено прибегнуть к услугам провокатора Хильке. Этот ловкий субъект сумел вкратце в доверие Домбровского до такой степени, что тот поручил ему такое ответственное задание, как поездка в Лондон за паспортами. Хильке приступил к делу очень умело. Он написал из Лондона письмо Домбровскому, которое было так искусно составлено, что, оставляя в тени самого Хильке, компрометировало Домбровского. На основании этого письма полиция немедленно арестовала обоих Домбровских (Ярослава и Теофиля). После продолжительного одиночного заключения Теофиля внезапно освободили, хотя он попрежнему не знал, что послужило причиной его ареста. Вскоре после этого он получил письмо от Хильке (которому попрежнему доверял). Хильке сообщал, что будет

в Париже проездом, и приглашал Теофиля на вокзал (Северный), чтобы передать ему важный пакет для брата. В назначенный час Хильке вышел из поезда и передал запечатанный пакет Теофилю, предупредив его шёпотом, что «за ним следят». На обратном пути Теофиль шёл пешком. Внезапно его окружили полицейские агенты и, задержав, привели к следователю Бернье, который совсем недавно приказал его освободить. Резким движением Бернье вскрыл пакет, найденный при Теофиле, и оттуда посыпались... новенькие пачки фальшивых русских рублей!

— Наконец-то вы изобличены! — торжествуя, заявил Бернье недоумевающему Теофилю.

Хильке был щедро вознаграждён за эту удавшуюся провокацию.

На суде защитник Домбровских Руссель в блестящей речи вскрыл перед парижскими присяжными всю политическую подоплёку этого дела и пригвоздил к позорному столбу руководителей французской полиции и следователя Бернье, людей, не гнушавшихся никакими грязными средствами, лишь бы погубить ненавистных им польских революционеров-эмигрантов. Впечатление, произведённое речью и обнаружившимися на суде фактами, было колоссальным. Присяжные ответили на все пункты опросного листа: «Нет, не виновен». Ярослав и Теофиль Домбровские были оправданы и выпущены на свободу.

В это время французский народ переживал тяжёлые дни. Франко-прусская война привела к катастрофе — капитуляции армии под Седаном (2 сентября 1870 г.). Новое правительство Национальной обороны, возникшее в результате революции 4 сентября и состоявшее отчасти из монархических либералов, отчасти из буржуазных республиканцев, во главе которых стоял реакционер Трошю, считало оборону безнадёжной. 18 сентября прусская армия начала осаду Парижа. Несмотря на частичные победы новых, наспех созданных в провинции армий (луарской и других), они все были порознь разгромлены пруссаками. Немалую роль в этом сыграло предательство монархических генералов. Военное командование проявляло позорную пассивность, особенно Трошю, который на всех перекрёстках кричал, что будет биться до «последней крайности», а в интимных беседах (как потом выяснилось) признавался, что даже и не собирается защищать Париж.

Париж бурлил и клокотал. 200 батальонов Национальной гвардии, регулярные войска, волонтёрские части — всего около полумиллиона человек, обречённых на бездействие, с досадой и отчаянием спрашивали, отчего им не дают сразиться с врагом, находящимся где-то за городскими стенами; требовали массовой вылазки и открыто обвиняли правительство Национальной обороны в предательстве. Рабочие и ремесленники, составлявшие главную массу парижской Национальной гвардии, выступали с горячими обличительными речами в многочисленных клубах и комитетах бдительности.

Домбровский вместе со всем республиканским и социалистическим Парижем остро переживал все его горести и опасения. Его опытный взор ясно видел угрожающую Парижу опасность.

«Видя это, я не мог молчать,— писал он впоследствии польскому журналисту Воровскому,— и, взявшись за перо, принялся сочинять один меморандум за другим. Наконец, они потревожили сладкий сон военного министерства, и мне там заявили, что всё это меня, как иностранца, не имеющего права голоса, несколько не касается». Меморандум Домбровского о методах обороны Парижа содержал в себе едкую, откровенную критику мероприятий генерала Трошю. Не получив ответа в министерстве, Домбровский опубликовал часть меморандума в газете «Réveil» и выступил в клубе с докладом, назвав его «Трошю как организатор и главнокомандующий»¹. Доклад имел шумный успех.

Ещё 9 сентября, то есть спустя пять дней после свержения империи, Домбровский от имени поляков Парижа обратился к французскому народу со следующим воззванием:

«Наши ветераны польских восстаний организуются в легион для защиты Парижа. 200 или 300 юных польских волонтёров жаждут только одного — служить делу Французской республики, которое стало делом всего человечества. Пусть каждому из нас дадут по хорошему коню (их ещё есть достаточно в Париже), саблю, карабин, штук 60 патронов, хорошую карту и с полсотни франков карманных денег — и пусть позволят нам очистить окрест-

ности Парижа от неприятельских разведчиков, а затем действовать в тылу немецкой армии. Кавалерия — излюбленный род польского войска, и это у нас Пруссия заимствовала организацию своих *уланов*, которые причинили такой урон неискусным и влюблённым в свои традиции генералам. Мы верим, что дело Парижа далеко не потеряно. Теперь Франции есть за что бороться, со славой умереть или победить. Ярослав Домбровский, бывший организатор повстанческих сил национального варшавского правительства».

Однако правительство отклонило предложение польских революционеров, но разрешило им войти в состав Национальной гвардии на общих основаниях.

18 сентября на собрании 6 тысяч граждан Лиона, охваченных патриотическим подъёмом, решено было создать комитет для организации добровольческого франко-польского партизанского легиона и просить Домбровского принять над ним командование. Домбровский согласился. Но выезд из Парижа уже стал невозможным. Домбровский решил с риском для жизни пробраться сквозь линию германских аванпостов и попасть в Лион, но был задержан на французском посту и обвинён в «шпионаже в пользу немцев». С трудом добившись освобождения, он возобновил свою отчаянную попытку, но с тем же результатом. На этот раз он был брошен в тюрьму надолго: всеильный генерал Трошю отомстил ему за смелую и беспощадную критику.

Вероятно, Домбровскому долго бы пришлось просидеть в тюрьме, если бы его не спасло совершенно неожиданное обстоятельство. На имя министра Гамбетты прибыла депеша от Гарибальди¹. Содержание депешки было таково: «Гражданин! Мне нужен Ярослав Домбровский, живущий в Париже, на улице Вавэн, № 52. Если Вы можете отправить его мне в воздушном шаре, я буду Вам очень признателен. Преданный Вам Джузеппе Гарибальди». Гарибальди назначил Домбровского командиром франко-польского волонтёрского легиона в Лионе.

Положение Домбровского сразу изменилось. Он был освобождён, однако выбраться из осаждённого Парижа

¹ Впоследствии Домбровский напечатал этот доклад в виде брошюры: *J. Dombrowski, Trochu, comme organisateur et général-en-chef, Lyon 1871.*

¹ В 1870 г. Гарибальди принимал участие в франко-прусской войне как руководитель волонтёров-партизан и защищал Францию от прусской армии.

не смог. Домбровский снова стал выступать в народных клубах Парижа, где приобрёл большую популярность.

Накануне событий 22 января 1871 г. (попытки свергнуть изменническое правительство) Домбровский был назначен бланкистами в начальники генерального штаба будущего революционного правительства. Но восстание 22 января было подавлено, а несколько дней спустя возмущённые парижане узнали о заключении правительством Национальной обороны перемирия с пруссаками на самых унижительных условиях.

Опечаленный успехами торжествующей реакции, Домбровский в унынии писал своему другу (28 февраля 1871 г.): «...Что касается меня, то я подам в отставку. Я так обманут во всех своих мечтах и надеждах, так сломлен ужасной драмой целого народа, обладающего могущественными материальными ресурсами,— народа, который теперь деморализован, предан и продан кучкой мошенников и бездарных растяп...».

Не прошло и трёх недель, как перед Домбровским внезапно открылось грандиозное поле деятельности, где он мог применить свои незаурядные дарования полководца.

После революции 18 марта Домбровский, приглашённый на военный совет Центрального комитета Национальной гвардии, заявил: «Надо сегодня же вечером созвать Национальную гвардию, атаковать Версаль, взять в плен правительство и Национальное собрание, как не обладающие доверием страны, провести новые выборы в Учредительное собрание!».

Это предложение Домбровского, делающее честь его политической проницательности и уму, было поддержано только немногими бланкистами (Дювалем, Ферре и другими) и членами Интернационала.

«Вы близоруки, вы видите не дальше, чем на два шага впереди себя... Раньше или позже, а бороться вам придётся, но тогда будет уже поздно! — убеждал Домбровский членов Центрального комитета.— Если же вы сейчас нападёте на Версаль, вы будете хозяевами положения. По примеру своих монмартрских товарищей версальские солдаты откажутся в вас стрелять».

Домбровского не послушали. Как он и предвидел, Тьер, располагавший в то время всего 22½ тысячами деморализованных солдат, поспешил принять самые энер-

гичные меры. Он обратился к Бисмарку, который разрешил ему постепенно довести версальскую армию сперва до 70 тысяч, потом до 120 тысяч человек и, сочувствуя французской реакционной буржуазии в её стремлении раздавить пролетарскую революцию, вернул Тьеру французских военнопленных, множество пушек и боеприпасов.

2 апреля 1871 г. окрепшие и сильно возросшие силы версальской контрреволюции напали на революционный Париж. 30-тысячная армия сделала попытки овладеть мостом у Нейи. Орудийная стрельба с форта Мон-Валерьен вынудила трёхтысячный заслон федератов, не имевших вовсе артиллерии, отступить.

Возмущённые парижане требовали дать достойный отпор врагу. На следующий день была организована массовая вылазка во главе с молодыми революционными полководцами, генералами Эдом, Дювалем и Бержере. Национальные гвардейцы проявили изумительную доблесть и самоотверженность, но они были совершенно не подготовлены для крупных операций в открытом поле. Артиллерии у них почти не было, патронов недостаточно. И тем не менее коммунары сперва одержали ряд побед: на правом крыле они заставили конницу Галифе бежать, а левое их крыло во главе с Дювалем даже достигло деревни Виль-Кублэ, в 6 километрах юго-восточнее Версаля. Но противник располагал значительно большими силами, и коммунары потерпели поражение. Одержав победу, версальцы начали беспощадную резню. Флуранс и Дюваль были зверски убиты.

Будучи убеждённым революционером и демократом, Домбровский без колебаний встал на защиту пролетарской революции. «Когда мы приняли участие в Коммуне,— писал брат Домбровского Теофиль,— мы знали, на что идём и за что будем бороться. Нашей целью было не только отстоять народное правительство Парижа, но и добиться победы социальной революции, которая, как мне кажется, известным образом и нас касается».

2 апреля Домбровский явился в Ратушу и предложил свои услуги Кюзере (будущему военному делегату). По совету и рекомендации Авриала Домбровский был назначен начальником 12-го легиона. Спустя несколько дней его кандидатура была выдвинута на пост коменданта укрепленного района Парижа. Назначение это состоялось 6 апреля.

Однако назначение Домбровского вызвало недовольство в Национальной гвардии, в чём немалую роль сыграл Бержере (бывший комендант), обиженный смещением. Национальные гвардейцы нескольких батальонов послали в Коммуну делегацию с протестом по поводу назначения неизвестного им человека. В связи с этим Исполнительная комиссия Коммуны опубликовала воззвание «К Национальной гвардии» с краткой положительной характеристикой Домбровского, заканчивавшейся следующими словами: «...Таким образом... [он] несомненный военный и преданный солдат Всемирной республики».

Появление Домбровского на передовых позициях сразу завоевало ему любовь и доверие бойцов. Отныне он не нуждался ни в каких рекомендациях. Этот даровитый командир сумел установить между собой и национальными гвардейцами ту живую связь, которая роднит командиров и бойцов революционной армии крепче, чем кровное родство.

«7-го [апреля],— рассказывает историк Коммуны Лиссагарэ,— федералисты Нейи увидели молодого человека, небольшого роста, в скромном мундире, спокойно под выстрелами осматривавшего аванпосты»¹. А 9-го ночью с двумя батальонами Домбровский в сопровождении Вермореля напал врасплох на версальцев в Аньере, прогнал их оттуда, овладел пушками и железной дорогой, блиндированными вагонами. Версальцы в панике отступили.

Адъютант Домбровского Рожаловский так описывает события 9 апреля: «Бой, длившийся до самой ночи, начался бомбардировкой позиции врага. После того как мосты были спущены, 70-й батальон в боевом порядке двинулся вперёд. Поддерживаемый адским огнём форта Мон-Валерьен и других батарей, неприятель встретил наших солдат страшным ружейным огнём. Люди падали справа и слева. Наступил момент колебания, который мог оказаться гибельным. Тогда Домбровский с саблей в руке лично стал во главе батальона. Видя его в первых рядах, гвардейцы бросились в штыковую атаку с возгласом: «Да здравствует Коммуна!». Словно по мановению волшебного жезла умолкла артиллерийская и ружейная пальба, и началась рукопашная схватка. 70-му батальону приходилось с боем брать каждый дом... После

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 168.

полуторачасовой схватки враг отступил в беспорядке... Упавшая было духом Национальная гвардия вновь воодушевилась и исполнилась абсолютным доверием к Домбровскому... Впоследствии Домбровский стал кумиром бойцов Национальной гвардии».

Теперь весь Париж заговорил о Домбровском. Многие требовали предоставить ему самые широкие военные полномочия.

Совсем иначе относилась к Домбровскому и полякам, его соратникам по Коммуне, реакционная часть польской эмиграции—аристократы и буржуа. Желая использовать напряжённость момента, князь Чарторыйский и его приспешники стремились скомпрометировать польских революционеров-демократов, пришедших на помощь Коммуне, вселить к ним недоверие у парижан и тем самым ослабить как силы демократического польского национально-освободительного движения, так и силы революционной Коммуны. Они возводили на них тысячи клеветнических обвинений и даже утверждали, что Домбровский... вовсе не поляк! В письме председателю Версальского собрания («Об участии польских эмигрантов в восстании 18 марта») князь Чарторыйский, глава польских реакционеров, доказывал, что «за исключением, может быть, одного Домбровского, который был более русским, чем поляком, и с давних пор связан с русскими социалистами,— прочие поляки, служившие Коммуне, были чужды идеям Коммуны... это были просто «кондотьеры», военные наёмники, продавшие свои услуги Коммуне за титулы и плату».

Происки и измышления польских реакционеров получили достойный отпор в печати Коммуны. Так, в газете «Réveil du Peuple» в статье от 18 апреля 1871 г. говорилось: «В чём причина такой ненависти польской реакции к начальнику генерального штаба парижской Национальной гвардии? Причина заключается в том, что эти люди боятся, что этот человек в состоянии будет возглавить и осуществить освобождение Польши...»

Между тем версальская армия с каждым днём увеличивалась. Бисмарк «услужливо» возвращал Тьеру французских военнопленных. Этих солдат из опасения агитации тщательно изолировали в казармах от общения с внешним миром, хорошо кормили и одевали, угощали дорогими папиросами и вином. О революционном Париже им сообщали самые нелепые, клеветнические измышления.

12 апреля после интенсивной артиллерийской подготовки версальцы перешли в наступление. Против 1300 коммунаров на участке Домбровского, слабо вооружённых и почти не имевших смены, двинулся целый корпус генерала Ладмиро (левый фланг версальской армии). Каждые четыре дня версальские дивизии (до 10 тысяч штыков) заменялись свежими. Несмотря на натиск огромных сил врага, Домбровский со своими батальонами храбро продолжал держаться на завоёванных позициях. Тщетно он обращался к военному делегату Кюзере, прося о подкреплении. За всё время он получил в подкрепление только роту, затем 300 человек — и это было всё! Боясь быть отрезанным, он 17 апреля вечером решил отступить из Аньера. Часть его бойцов успела перейти Сену по понтонному мосту, часть — после разрушения моста спаслась вплавь.

Генеральное наступление версальской армии Мак-Магона продолжалось, начиная с 12 апреля, неуклонно развиваться по заранее выработанному плану. План этот состоял в следующем: на крайнем левом фланге, где был расположен 1-й корпус генерала Ладмиро, наступление велось по направлению к воротам Майо; в центре были расположены 4-й корпус генерала Дуэ и 5-й — генерала Клишана, а также резервная армия генерала Винуа; их наступление развивалось в направлении на Отей и Пасси; на крайнем правом фланге 2-й корпус генерала Сиссэ атаковал форт Исси.

19 апреля в Коммуне была получена депеша Домбровского о новом нападении линейных войск противника. «Наши передовые посты, обманутые дружескими сигналами солдат линейной пехоты, были застигнуты врасплох,— писал Домбровский.— Мне нужны подкрепления, необходимо удвоить артиллерию. Пришлите инженерную роту». В тот же день, в 4 часа 15 минут дня, Домбровский отправил вторую депешу, сообщая, что отбил вражескую атаку и пытается окружить выдвинувшуюся вперёд неприятельскую часть. «Мне нужно пять батальонов свежих войск; по крайней мере 2 тысячи человек, потому что неприятельские силы значительны»,—писал он. Однако военный делегат Кюзере отнёсся иронически к депешам Домбровского¹.

¹ См. «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 144—145.

Отношение Кюзере к выдвинутому им же Домбровскому было неискренним и двойственным. С одной стороны, Кюзере заявлял, что «за всю свою долгую практику знакомства с людьми, профессия которых быть энергичными», он мало встречал таких храбрецов, как Домбровский, который «...довёл свою энергию до крайних пределов»¹. С другой стороны, он упорно противился всем смелым, наступательным замыслам Домбровского и в самые тяжёлые минуты отказывал ему в подкреплениях.

Кюзере, военный делегат Коммуны, «жалкий авантюрист», по характеристике Маркса, честолюбивый, неспособный и нерешительный, упорно добивался звания главнокомандующего, заверяя Коммуну, что в течение 20—25 дней поставит на ноги армию и двинет её в наступление. Однако это оказалось только словами. Уже при первых своих шагах Кюзере проявил поразительную инертность и беспечность. Его нелепый декрет о мобилизации возрастов в пределах от 17 до 35 лет, исключавший, таким образом, из рядов Национальной гвардии самых ценных бойцов — ветеранов революции 1848 г., вызывал недоумение и досаду. По настоянию Коммуны он был изменён. Потерпев крушение в своих попытках стать абсолютным и бесконтрольным диктатором, Кюзере сразу потерял интерес ко всему окружающему. Ни в успешную оборону, ни тем более в успешное наступление Кюзере не верил.

Таков был человек, от которого зависела дальнейшая военно-революционная деятельность Домбровского. Здесь столкнулись две противоположности: нерешительность и кипучая, вулканическая энергия; безверие и восторженная вера в революцию. Кюзере сковывал действия Домбровского и, тормозя его малейшую инициативу, нагло лгал Коммуне, говоря, что «все упрёки Домбровского несправедливы: я давал ему подкрепления всякий раз, как он меня просил... за исключением единственного случая»².

Но даже в такой трудной обстановке Домбровский мужественно продолжал исполнять свой долг. В одной из современных Коммуне работ его так характеризовали: «Превосходный республиканец, исключительно честный и преданный делу человек, обладающий всеми необходимыми для настоящего генерала качествами, Домбровский

имеет только один огромный недостаток: избыток смелости»¹.

Своим необыкновенным бесстрашием и простотой обращения с бойцами-федератами Домбровский завоевал горячую их любовь. «Знаете, какие батальоны любят меня больше всего? — говорил он, — Те, которые я уже вёл под огонь и которые уже потеряли половину своего состава. Другая половина готова дать себя изрубить для меня и пойти за мной на край света. С ними я могу устоять против вдесятеро большего количества версальцев. В конце концов я из них, шаг за шагом, делаю солдат».

Домбровский имел полное основание гордиться любовью своих бойцов. Пролетарии Парижа отлично понимали и видели, что этот бывший дворянин, иностранец, не на словах, а на деле готов пожертвовать всем ради дела Коммуны. Были случаи, когда некоторые федераты отдавали жизнь для спасения любимого командира. Так было, по сообщению Рожаловского, 18 апреля, когда капитан Тирар, увидев, что один версальский солдат целится в Домбровского, с быстротой молнии бросился к последнему. Тирар заслонил его телом. Раненный в грудь, он скончался с возгласом: «Да здравствует Коммуна!»².

Для своего времени Домбровский был образцом революционного командира. Он умел практически воплотить в жизнь идею о революционной сознательной дисциплине. Условия, в которые был поставлен Домбровский, были крайне неблагоприятными. Одновременно с командованием в Нейи он вынужден был ещё нести обязанности коменданта Парижского укрепленного района, требовавшие непрерывных поездок из Нейи в штаб Национальной гвардии на Вандомской площади и обратно.

Тем временем положение на фронте продолжало ухудшаться. 17—19 апреля версальцы заняли замок Бэкон и Аньер, установили там батареи, но были отброшены назад. К 20 апреля 1-й корпус генерала Ладмиро окончательно овладел западным берегом Сены, от Женвилье до Сен-Клу, и в ночь на 20-е приступил к ожесточённой бомбардировке Парижа. 21-го Домбровскому удалось прорвать линию окружения. Он прочно укрепил район Нейи, Левал-

¹ C. A. Dauban, Le fond de la société sous la Commune, Paris 1873, p. 88.

² Rozalowski, Leben und Taten des gen. I. Dombrowski, Leipzig 1876, S. 94—95.

¹ Cluseret, Mémoires, v. I, p. 169.

² Ibid., p. 244.

дуа и Клиши и ожесточённо защищался со сравнительно малыми силами (4—5 тысяч человек).

Героическая оборона Нейи под командой Домбровского войдёт в историю в качестве замечательного примера революционной отваги и верности своему долгу. В течение месяца (с 11 апреля до 15 мая) доблестные коммунары по плаву с Домбровским день и ночь без передышки отбивали натиск десятикратных сил версальцев. Чтобы выбить врагов из занятых позиций, коммунарам под огнём версальской артиллерии не раз приходилось взрывать динамитом стены и, бросаясь в брешь, драться врукопашную. Паводчиков и канониров — федератов хватало всего на несколько часов, но место выбывших занимали другие смельчаки, и орудия коммунаров не молчали ни одной минуты. «Домбровский, бесстрастно державшийся под ружейным огнём, — говорит Дюбрейль, — хладнокровно смелый и как бы не замечавший опасности, попевал лично всюду, наблюдал за всем и устранял все опасности»¹.

Положение было ужасно! Сражавшиеся жили, как в аду, подвергаясь непрерывным нападениям, едва находя время заснуть... С Мон-Валерьяна и с грозного редута Монтрету на позиции коммунаров лился непрерывный дождь чугуна. Местечки Аньер и Левадлуа превратились в развалины, груды мусора, пепла и горящих построек.

Бездействие Кюзере заставило некоторых членов Коммуны поднять вопрос о нём на заседаниях Коммуны. 17 апреля Авриаль в резкой, настойчивой форме потребовал от Кюзере ответа: сколько же, наконец, у Домбровского людей и орудий? Но Кюзере, по обыкновению, отвечал уклончиво. Тогда возмущённый Делеклюз огласил сочинённую Кюзере афишу, в которой Кюзере предлагал гражданам передать ему всю полноту власти. Сообщив, что он приостановил печатание афиши, Делеклюз гневно воскликнул: «Диктаторские взгляды нам не подходят!» Он закончил речь словами: «Домбровский явился вчера в состоянии полного изнеможения и сказал мне: «У меня больше нет сил, заместите меня. Для защиты пространства от Нейи до Аньера меня оставляют с 1200 человек, и больше этого количества у меня никогда не было». Если это верно, то это акт измены»².

Кюзере протестовал против слова «измена», демонстративно пригрозил «уйти», но не ушёл, а затем произнёс в свою защиту длинную, но неубедительную речь. Он уверял, что с Домбровским в наилучших отношениях, что тот никаких претензий ему не заявлял и что у него никогда не было намерения в чём-нибудь отказывать генералу Домбровскому. Однако уже на следующем заседании, 24 апреля, Делеклюз доказал на основании списков, что Кюзере говорил неправду: у Домбровского было только 1906 человек.

25 апреля член Коммуны и ЦК Национальной гвардии Жоаннар сообщил Коммуне о своём посещении позиций в Нейи:

«Мы видели генерала Домбровского; и здесь я должен воздать честь истине и сказать, с каким поклонением гвардия относится к этому генералу. Он подлинно любим своими солдатами, они счастливы быть под его началом»¹.

Положение на фронтах, ухудшавшееся с каждым днём, настоятельно требовало максимальной централизации власти — военной и гражданской; большинство Коммуны — бланкисты и якобинцы видели выход из положения в создании Комитета общественного спасения или какого-либо другого исполнительного комитета из молодых и энергичных членов Коммуны.

В Центральном комитете Национальной гвардии царило в эти дни сильное возбуждение и сознание необходимости самых решительных мер. В секретном письме «Членам Коммуны» группа членов Центрального комитета писала, что «позиций удержать не удастся, если не будут немедленно приняты энергичные меры. Надо арестовать Кюзере, назначить Домбровского главнокомандующим, организовать из военных специалистов Военный совет под контролем комиссара Коммуны. Нужны ответственные гражданские организаторы для контроля, и всё это быстрее, быстрее, быстрее, — иначе всё пропало!»².

Незадолго до своего ареста Кюзере, чувствуя уже, что над головой его собирается буря, назначил Домбровского командующим 1-й (Западной) армией, защищавшей весь правый берег Сены (приказ от 28 апреля). 1 мая был создан Комитет общественного спасения; вслед за тем Кюзере был арестован.

¹ Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года, Спб. 1908, стр. 128.

² «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 209.

¹ «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 247.

² «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», p. 521.

Место военного делегата занял офицер-республиканец Россель. Однако он не разделял стремлений Коммуны к социальному переустройству общества. В отличие от Клузере Россель относился сочувственно к наступательным планам Домбровского, главной идеей которого всегда было: захват инициативы, наступление, сознательность воюющих масс, значение морального элемента войны.

В первых числах мая по инициативе Домбровского в Жантильи в штабе Врублевского (командовавшего Южно-Парижской армией) состоялось совещание командиров. При поддержке Росселя Домбровский выступил с планом широкого контрнаступления, заключавшимся в следующем: путём ряда вылазок очистить от версальцев подступы к Парижу с юга; отвлечь внимание противника наступлением резервных частей на западном фронте; главными силами атаковать слабый правый фланг версальцев и в обход сильных батарей высот Медона и Шавиля захватить Версаль внезапной атакой с юга.

К сожалению, шансы на победу были в это время уже очень незначительными. Версальская армия к концу апреля имела 120 тысяч бойцов (5 корпусов и резервная армия генерала Винуа). К началу новых решительных операций версальские войска представляли собой хорошо организованную и технически оснащённую силу. Это была заново собранная армия, состоящая из кулачества, обильно насыщенная бонапартистскими офицерами. В то же время фактическая численность активных бойцов-коммунаров на обоих участках обороны (у Домбровского на западе и у Врублевского на юге) не превышала 25—30 тысяч человек.

Вследствие ненадежного транспорта фронт коммунаров всегда испытывал недостаток в снарядах и патронах, хотя на складах Парижа имелись запасы, которых хватило бы на несколько лет. Лошадей у Коммуны было очень мало. Артиллерия использовалась недостаточно: не хватало артиллерийских кадров (из 1740 пушек и митральез Коммуной было использовано всего 321). Потери коммунаров в борьбе с сильным врагом были значительны. И всё же Домбровский строил все свои расчёты на наступлении, надеясь добиться преимущества над противником. В первых числах мая он перебросил некоторые части со своего крайнего правого фланга (Аньер) к Врублевскому на южный фронт для усиления обороны Исси и явился туда

сам для руководства наступлением. Одно время Домбровский был официально назначен главнокомандующим, и, хотя это назначение по настоянию Росселя было отменено, фактическое руководство всеми военными операциями осталось в руках Домбровского.

Центром всеобщего внимания был в то время южный фронт, где полуразрушенные форты Ванв и Исси сопротивлялись с героическим упорством. С 25 апреля форт Исси подвергался непрерывному обстрелу. К началу мая форт Исси нельзя было даже считать фортом. Это были груды земли и песка, разбрасываемые во все стороны ядрами. На град снарядов шестидесяти версальских пушек отвечал какой-нибудь десяток орудий, а затем и они умолкли: артиллеристы погибали один за другим. Но на повторные требования о сдаче доблестные коммунары отвечали словами наполеоновского генерала Камбронна при Ватерлоо: «Гвардия умирает, но не сдаётся!». Нельзя без волнения читать дневник одного из защитников форта — командира Жюльена: «...7-е. Каждую минуту на нас падает до десяти снарядов. Укрепления совершенно открыты. Все пушки, за исключением двух или трёх, сбиты. Редуты версальцев почти касаются наших. Прибавилось ещё тридцать трупов... Нас окружают...»¹.

В период борьбы за Исси многие коммунары совершали чудеса храбрости. Особенно отличился Максим Лисбонн, бывший актёр, стоявший во главе объединённого полка волонтёров, составленного из «мстителей Коммуны», «тюркосов» и других. Лисбонн со своим полком находился в самых опасных местах, стойко выдерживал со своими храбрецами жестокий удар бригады генерала Роше и 2 мая вынудил дивизию генерала Фарона в районе Кламара и замка Исси отступить. И только в ночь на 5 мая при поддержке всех батарей Бельвю, Медона, Флерн, Мулино, Шатильона и других версальцам удалось взять вокзал! Падение Кламара решило участь форта Исси. Медленная агония разгромленного форта окончилась. 9-го противник, обнаружив разведкой, что форт Исси оставлен, занял его и, немедленно укрепив, направил пушки против Парижа.

В эти трагические дни военный делегат Россель не столько заботился об обороне южного фронта, сколько

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, т. II.

был занят борьбой с Коммуной, которую считал главным виновником неудач.

Прибыв в Ратушу и узнав о падении форта Исси, Россель подал в отставку. «Предо мною два пути,— писал он в заявлении членам Совета Коммуны: — сломить препятствие, мешающее мне действовать, или удалиться. Я не сломлю препятствия, ибо это препятствие — вы и ваша слабость. Я не намерен покушаться на суверенитет общества. Я удалюсь и прошу предоставить мне камеру в тюрьме Мазас»¹. После публикации этого заявления, в котором он предательски раскрыл перед врагом слабые стороны Коммуны, Россель был арестован. Однако с помощью друзей ему удалось после ареста бежать.

Падение форта Исси, защищавшего Париж с юга, разбило всякие надежды на контрнаступление. Падение Исси, уход Росселя — всё это заставило Центральный комитет в тот же день поднять вопрос о военной диктатуре. Настойчиво выдвигалась кандидатура Домбровского, за которого стоял Моро (гражданский комиссар при военном делегате Делеклюзе). Но неоякобинiec Феликс Пиа заявил, что не считает Домбровского хорошим главнокомандующим. Домбровский — не француз, сказал Пиа. — Было бы очень печально, если бы в Париже не удалось найти для этой роли французского гражданина. Вопрос так и остался открытым...

Положение коммунаров было безвыходным. Коммуна и её новый военный делегат Делеклюз уже не в силах были мобилизовать нужное количество людей. Слишком неравными были силы сражающихся сторон!

Однако, несмотря на это, Домбровский всё же остался на своём посту до конца, как капитан, который последним покидает свой тонущий корабль. К 11 мая у Домбровского было не более 8 тысяч бойцов. Против него на восточном берегу Сены развернулся 1-й корпус Ладмиро в 30 тысяч штыков. В Булонском лесу и Биянкюре стояло 5 пехотных дивизий Клишана и Дуэ в 50 тысяч штыков и на фронте Ла-Мюэтт — ворота Сен-Клу — 84 орудия, поддержанные огнём 100 мощных орудий Мон-Валерьяна, Мон-трету, Севра и Медона. Таково было соотношение сил на участке главного удара — участке Домбровского. Такая же картина наблюдалась на южном участке Врублевского

(40 тысяч коммунаров против 50 тысяч версальцев). 13-го версальская батарея потопила одну из канонерок Коммуны, и флотилия коммунаров пришлось отойти к мосту Согласия. В ночь на 14 мая пал форт Ванв. В результате всех этих потерь положение и на южном участке фронта стало чрезвычайно тяжёлым.

Губительный огонь вражеской артиллерии на всём протяжении от Нейи до предместья Вожирар вынудил коммунаров покинуть укрепления городской стены и отойти метров на 300, чтобы укрыться от огня.

Тьер не только двинул против революционного Парижа огромную регулярную армию, но и заслал в город ещё в самом начале гражданской войны огромное количество провокаторов и шпионов. Париж буквально кишел ими. Тьер цинично заявлял: «Дождём снарядов или дождём золота — но мы возьмём Париж!», и золото Версали текло рекой. Недаром Французский банк, который был столь скуп по отношению к коммунарам, усердно снабжал деньгами версальцев. Под руководством полковника Корбэна, депутата Национального собрания Бартелеми и других реакционеров внутри Парижа организовывались контрреволюционные заговоры (некоторые из них были своевременно разоблачены, например попытка полковника Национальной гвардии Лапорта открыть версальцам Дофинские ворота и т. д.).

Особенно опасным противником казался Тьеру Домбровский. Тьер неоднократно подсылал к нему людей с поручением убить или подкупить его. Такое поручение дано было версальскому агенту Вейссе. Последний через одного из адъютантов Домбровского передал ему, что «за сдачу ворот города Версаль уплатит Домбровскому 1½ миллиона франков».

«Первоначально я решил расстрелять этого негодяя (Вейссе), — рассказывал Домбровский своему адъютанту Рожаловскому, — но затем я подумал, что было бы неплохо использовать это обстоятельство в наших целях. Я предложил Комитету общественного спасения вот что: если мне дадут 20 тысяч человек, то, притворно приняв предложение версальцев, я введу часть их в ворота Парижа, а затем окружу и уничтожу. Россель и Врублевский одобрили мой план. Комитет общественного спасения, Исполнительная комиссия Коммуны и некоторые виднейшие члены Коммуны просили меня продолжать

¹ Louis Fiaux, Histoire de la guerre civile de 1871, p. 404.

переговоры с Вейссе. Я просил приставить ко мне комиссара, чтобы он контролировал мои действия»¹.

Однако замысел Домбровского не осуществился, так как не удалось собрать нужного количества людей для такой серьёзной и рискованной операции. «Вместо 20 000 собралось только 3000—4000, и вместо 500 артиллеристов только 50»².

21 мая, в день вступления версальцев в Париж, шпион Вейссе был арестован гвардейцами, а 24-го по приказу Ферре расстрелян на Новом мосту.

Видя полное крушение попыток подкупа Домбровского, Тьер и его министры несколько раз подсылали к нему убийц. Так, в один из майских дней в штаб укрепленного района Парижа явился два человека, требуя допустить их к Домбровскому лично, чтобы «сообщить ему важные военные сведения». Часовой заметил, как один из вошедших (оказавшийся жандармом) выхватил кинжал, чтобы ударить Домбровского в спину. Часовой крикнул: «Генерал!..» и пронзил штыком бедро неизвестного. Оба посетителя были схвачены, и при обыске у них были обнаружены версальские документы.

Для достижения своей цели враги попытались использовать ещё одно, последнее средство — дружеские связи Домбровского. Послушным орудием в их руках оказался личный «друг» Домбровского, польский журналист Бронислав Воловский. Заранее считая, что дело Коммуны безнадежно, он задался целью «спасти Домбровского для польского национального дела».

О встрече с Домбровским Воловский потом рассказал в своей книге:

— Какое имеет значение, хороши или плохи отдельные члены Коммуны? — говорил Домбровский Воловскому. — Ведь дело не в них, а в идее Коммуны! Мне некогда читать газеты. Но я знаю, что меня в них безжалостно ругают... Между тем ясно, что, будь я честлюбимым человеком, я предложил бы свои услуги Версалию, а не Коммуне!.. Удастся ли мне победить? Не знаю. Но у нас есть всё, что необходимо для войны... В провинции недовольство Версалем растёт с каждым днём, и, без сомнения, первый же наш большой успех вызовет во всех

городах Франции всеобщее восстание. Что касается меня, то я выполню свой долг до конца.

— Всё это прекрасно, — осторожно возразил Воловский. — Но вы погибнете, дорогой Ярослав, без всякой пользы для себя и, что ещё хуже, для нашего национального дела!

— Я не от имени Польши вступил в армию Коммуны, — возразил Домбровский. — Я вступил в неё просто как гражданин Домбровский... Я тем менее боюсь суда будущих поколений, что убеждён, что стою на пути прогресса. Настанет час, когда меня оценят... Я сражаюсь за свободу, против угнетателей, таких, как Тьер.

Выслушав предложение министра Пикара сложить с себя командование, переданное через Воловского, Домбровский ответил ему:

— Вы хорошо сделали, что отказались от посредничества. Мне пришлось бы вас арестовать, как я уже сделал с Бышинским, взявшим на себя эту недостойную роль¹.

Смущённый Воловский понял намёк и поспешил ретироваться.

12 мая Воловский опять появился в Париже. Он привёз с собой версальский пропуск на случай, если Домбровский согласится им воспользоваться и бежать. Но Домбровский вместо ответа только указал Воловскому на эфес своей сабли и сказал:

— Видите? — вот мой пропуск. Так и передайте Пикару и Тьеру. Передайте в Версале, что я никогда не воспользуюсь их пропуском, даже если у меня явится желание спасти себя.

Между тем положение на фронтах продолжало ухудшаться. Юго-западные укрепления Парижа были почти полностью разрушены ураганным артиллерийским огнём. Сказывалась усталость гвардейцев, уже много дней не получавших подкреплений. Однако и в этой обстановке Домбровскому удавалось предпринимать отдельные операции. Так, в ночь на 12 мая Домбровский во главе 128-го батальона очистил парк Саблонвиль от версальцев. Отмечая храбрость гвардейцев этого батальона, Коммуна вынесла решение: «128-й батальон заслужил признательность республики и Коммуны». Но все подобные храбрые вылазки оставались безрезультатными. Уже 16 мая воен-

¹ *Rozulowski, Leben und Taten des gen. I. Dombrowski, S. 137—138.*

² Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, приложение XIII.

¹ См. *Br. Wolowski, Dombrowski et Versailles, Geneva 1871, p. 81—92.*

ный делегат Делеклюз получил сообщение, что артиллеристы 64-го бастиона в Пуэн-дю-Жур почти все покинули посты.

Вплоть до дня вторжения версальцев (21 мая) Домбровский не покидал своего опасного поста в районе сектора Ла-Мюэтт. Лиссагарэ так описывает последние минуты обороны этого участка:

«Дождавшись некоторого затишья, мы доходим до ворот или скорее до груды развалин, которые лежат на их месте. Вокзала более не существует, туннель завален, бастионы сползли во рвы. Среди обломков копошатся люди... Монтере уже пять недель занимает эту выдвинутую вперёд позицию под ураганом снарядов. Мон-Валерьен, Курбеуа и Бэкон выбросили на неё более восьми тысяч ядер и гранат. Десяти человек достаточно для этих двенадцати пушек, и они стоят там, обнажёнными до пояса, с чёрными от пороха грудью и руками. Краон, убитый на своём посту, управлял сразу двумя семифунтовыми пушками. С фитилём в каждой руке он сразу посылал два выстрела...

Каждый шаг к Ла-Мюэтт грозит смертью. На укреплениях у ворот Ла-Мюэтт офицер машет кепи по направлению к Булонскому лесу. Пули свищут вокруг него, — это Домбровский, забавляя себя и солдат, что-то кричит версальцам, сидящим в траншеях»¹.

На рассвете 21 мая Домбровский послал Делеклюзу следующее донесение:

«Гражданин делегат!

Несмотря на все мои усилия помешать им, неприятельские траншеи всё приближаются... Часть крепостной стены от Пуэн-дю-Жур до Отейя никем не охраняется, так как посылаемые туда батальоны тотчас же возвращаются в Париж в полном расстройстве... Неприятель усиливает свои осадные работы у ворот Сен-Клу, в 100 метрах от вала. Сегодня ночью я пытался сделать вылазку, но только одной колонне, вышедшей из Нейи, удалось проникнуть в Булонский лес... Штурм города неминуем. Я получил 30 мортир, но у меня нет ни людей для их обслуживания, ни снарядов! В моём распоряжении не более 4 тысяч человек в Ла-Мюэтт, 200 в Нейи и столько же в Аньере и Сент-Уэне. Мне недостаёт артиллеристов и особенно сапёров. Положение требует громадного усиления крепост-

ных работ, которые одни смогли бы отсрочить катастрофу»¹. В ту же ночь член Коммуны Лефрансэ посетил позиции сектора Ла-Мюэтт и лично убедился в справедливости слов Домбровского. «Казематы всюду покинуты, так как невозможно дольше оставаться в них без риска быть там погребённым, — писал он в своём дневнике. — Вокруг нас всё пустынно... Траншеи неприятеля не доходят лишь на пятнадцать метров до фортификаций, и я ясно различаю лица солдат, которые даже не дают себе больше труда прятаться. Они, повидимому, осведомлены, что не подвергаются уже теперь никакой опасности... Положение весьма серьёзно»².

Вернувшись в Париж, он написал записку о виденном и передал её члену Коммуны Виару, прося немедленно отдать Делеклюзу. Однако Делеклюз не отнёсся с должным вниманием к сообщению Лефрансэ.

В невнимании Делеклюза к положению на его участке фронта Домбровский видел нечто большее, чем незнание военного дела. Он считал, что Коммуна и военный делегат ему не доверяют. До его сведения дошло, что его переговоры с Вейссе, предпринятые с ведома и одобрения Коммуны ради посрамления версальцев, стали известны и толкуются вкривь и вкось. Взволнованному, переутомлённому Домбровскому казалось, что его сторонятся, что лживые слухи о нём разрастаются и грозят запятнать клеветой его чистую репутацию.

• 21 мая версальские войска вступили в Париж.

Внезапное вторжение версальцев в Париж явилось следствием измены: 21 мая днём, в 2 часа 30 минут, на 64-м бастионе показался некий Дюкаталь, мелкий служащий Коммуны. Размахивая белым платком, этот предатель крикнул версальским солдатам, сидевшим в траншеях: «Войдите, здесь никого нет!». Убедившись, что этот участок действительно никем не охранялся, версальцы тут же начали вступление в Париж через ворота Сен-Клу. 4-й корпус генерала Дуэ овладел воротами Отей. Домбровский, узнавший о вторжении врага, пытался оказать ему на площади Отей сопротивление, но был вынужден отойти к Ла-Мюэтт. В 4 часа он отправил депешу в Комитет общественного спасения. Депеша пришла только в 7 часов. Бильорэ прочёл её вслух:

¹ С. А. Dauban, Le fond de la société sous la Commune, p. 363—364.

² Гюстав Лефрансэ, Воспоминания коммунара, стр. 119.

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 248.

«Домбровский в Военную комиссию и в Комитет общественного спасения.

Версальцы вступили через ворота Сен-Клу. Принимаю меры, чтобы их прогнать. Если можете прислать подкрепление, отвечаю за всё».

Но даже в эту критическую минуту к сообщению Домбровского в Коммуне отнеслись скептически и не потрудились его проверить! Ограничились запросом наблюдательного пункта Триумфальной арки (на площади Звезды), который по неизвестной причине (возможно, там сидели версальские агенты) сообщил, что «версальцев не видно». В 8 часов вечера (то есть спустя 5 часов после вступления версальцев!) по городу была расклеена афиша, отрицавшая заявление Домбровского и сообщавшая, что «это пустая паника: если версальцы и появились, то они были отбиты». Так терялось драгоценное время.

• В этот же день Домбровский был контужен и сброшен с коня на землю. • Он уже не смог сидеть на лошади и вынужден был передать командование батальоном полковнику Фавье.

Тем временем версальцы продолжали проникать в город. К 3 часам утра в Париж вошло уже 9 дивизий, через южные ворота вошло ещё 3 дивизии. Вследствие беспечности руководства Коммуны версальцы получили значительный выигрыш во времени и успели укрепиться в предместьях Пасси, Отей и части Гренель, а к утру заняли оба берега Сены. К утру 22 мая в Париж вступило около 100 тысяч версальцев. Всё было потеряно! К 2 часам утра в Комитет общественного спасения явился контуженный Домбровский и рассказал обо всём случившемся. Некоторые члены Комитета общественного спасения выразили удивление — они плохо разбирались в создавшейся обстановке. Послышались обвинения. Оскорблённый Домбровский вспылил. «Как? Комитет общественного спасения меня принимает за изменника?! — в отчаянии крикнул он. — Моя жизнь принадлежит Коммуне!» Он всё мог перенести, но только не это обидное недоверие — недоверие к нему, который полтора месяца с ничтожными силами героических федератов отважно отстаивал Париж от огромной версальской армии!

Его спешат успокоить, со всех сторон к Домбровскому протягиваются дружеские руки, товарищи уводят его обедать. После обеда он в задумчивости прошёл по залу,

затем, не говоря ни слова, пожал всем руки и ушёл. Все поняли, что он твёрдо решил бороться, не щадя своей жизни, и, если случится, погибнуть в бою.

День 23 мая Домбровский провёл на Монмартре, организуя оборону этого важного участка. Он появлялся в самых опасных местах, по своему обыкновению не обращая внимания на пули. На рассвете этого дня 1-й и 5-й версальские корпуса атаковали Монмартр. С разрешения прусского командования дивизия 1-го корпуса (генерала Монтобана), пройдя через нейтральную германскую зону, ворвалась через ворота Сент-Уэн. Между Мак-Магоном и пруссаками давно уже состоялось соглашение о совместных действиях против коммунаров. Эту опасность предвидел Маркс. «Если бы Коммуна послушалась моих предостережений! — писал он в июне 1871 г. — Я советовал ее членам укрепить северную сторону высот Монмартра — прусскую сторону, и у них было еще время это сделать; я предсказывал им, что иначе они окажутся в ловушке...»¹

Появление солдат Монтобана со стороны прусской зоны было большой неожиданностью для храбрых защитников Монмартра. Вскоре Монмартр был окружён.

• Близ монмартрской баррикады, на углу улиц Мирра и Пуассоньер, разыгралась последняя сцена трагедии жизни Ярослава Домбровского. Глубоко уязвлённый клеветой врагов и несправедливым недоверием некоторых членов Коммуны, он, видимо, искал смерти. Верхом на коне он, несмотря на просьбы товарищей, разъезжал на открытом месте под градом пуль. В 2 часа дня Домбровский был ранен пулей в живот и упал. «Четыре человека несли на плечах носилки со смертельно раненным Домбровским, — вспоминает свою встречу с ним волонтерка Викторина Б. — Увидав нас, они остановились. Домбровский пожал нам руки и сказал: — Не идите туда, всё кончено! Вы погибнете, и совершенно бесцельно. Я умру. Жизнь моя не играет роли, думайте только о спасении республики. — Он с трудом говорил, был утомлён. — Прощайте, друзья мои, — сказал он нам».

• Домбровского отнесли в больницу Лярибуазьер, где он два часа спустя скончался в страшных муках. •

На площади Монмартра смолкли все пушки, гремевшие безумолку двое суток: артиллеристы, канониры,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 121.

бойцы — все покинули свои посты, чтобы проститься со своим героем-вождём. Затем его тело перенесли в Ратушу. Защитники баррикад, мимо которых проходил траурный кортеж, отдавали честь.

Ночь на 24 мая. Париж горит ослепительным пламенем. Горит Тюильри, горят здания Почётного легиона, Государственного совета, Счётной палаты. Отдалённое зарево освещает фасад Ратуши. С оглушительным шумом катятся тележки и омнибусы со снарядами. Пронесут раненых, умоляющих дать им хоть каплю воды.

«В знаменитой «голубой комнате» мёртвый Домбровский лежит на постели, обитой шёлком. Домбровский в форме — в чёрном сюртуке, единственное украшение его одежды — галуны на рукавах. Свеча озаряет бледным светом его спокойное, белое, как снег, лицо, тонкий нос, небольшой рот и белокурую заострённую бородку. Два-три офицера молча сидят в тёмных углах комнаты, около кровати сидит капитан, — он быстро рисует портрет покойного...»¹

Ночью при свете факелов тело Домбровского обернули в красное знамя и повезли на кладбище Пер-Лашез. При проходе через площадь Бастилии кортеж был задержан толпой людей: это были национальные гвардейцы, защитники баррикад. Сняв с катафалка тело героя, они бережно положили его у подножия Июльской колонны. При свете пылающих факелов коммунары подходили один за другим и, прощаясь, целовали в лоб своего генерала. Барабаны били поход.

Верморель, брат Домбровского Теофиль, его офицеры и двести гвардейцев — все стояли с обнажёнными головами. Верморель произнёс пламенную речь над телом покойного.

— Вот, — воскликнул Верморель, — тот, кого обвиняли в измене! Один из первых он отдал свою жизнь за Коммуну. Что же делаем мы вместо того, чтобы подражать Домбровскому? Поклянёмся же, что уйдём отсюда лишь затем, чтобы умереть!²

Грохот пушек заглушал слова Вермореля. Многие из присутствовавших не могли сдержать слёз...

Тело Ярослава Домбровского было погребено в склеп, на кладбище Пер-Лашез.

¹ Lissagaray, Les huit journées de mai 1871 derrière les barricades, Bruxelles 1871, p. 76—78.

² См. Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 282—283.

Восемь лет спустя владельцу склепа понадобилось место, занятое гробом Домбровского, и он бесцеремонно выбросил гроб. Гроб отвезли на кладбище Иври и зарыли в бесплатной могиле. До сих пор неизвестно, где зарыты останки героя Коммуны...

Ярослав Домбровский сознательно связал свою судьбу с судьбой Коммуны 1871 г. Её трагедия была вместе с тем и его трагедией. Его неудачи в роли командующего армиями Коммуны зависели от недостатков её военной организации, от разлада среди руководителей Коммуны, и не вина Домбровского, что его разумные советы не были приняты во внимание.

Участие Домбровского и других польских демократов в Коммуне, их преданное служение её интересам свидетельствовали о том, что борьба Коммуны носила глубоко интернациональный характер.

Коммунары боролись во имя счастья всего человечества, будущих поколений трудящихся. Ярослав Домбровский жил, боролся и пал так же самоотверженно, как другие герои Коммуны.

«Память Домбровского и Врублевского, — писал Ленин, — неразрывно связана с величайшим движением пролетариата в XIX веке, с последним — и, будем надеяться, последним неудачным — восстанием парижских рабочих»¹.

• Имя Ярослава Домбровского навсегда осталось символом интернационализма в борьбе народов за национальное и социальное освобождение. Именно поэтому в годы борьбы прогрессивного человечества во главе с героическими народами Советского Союза против кровавого фашизма имя Домбровского с гордостью приняли некоторые отряды народных борцов. Многие историки народной демократической Польши (Злоторжицкая, Марковская, Модзелевский и другие) посвятили себя изучению жизни этого славного героя Коммуны, опубликовав ряд интересных исторических работ о жизни и деятельности Ярослава Домбровского.